

И.И. Панаев

**Литературные воспоминания,
с приложением писем разных
лиц**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Панаев**
Литературные воспоминания, с приложением писем разных лиц / И.И. Панаев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 431 с.

ISBN 978-5-518-02406-9

Первое полное собрание сочинений Ивана Ивановича Панаева.

Том шестой. Литературные воспоминания, с приложением писем разных лиц.

Литературные воспоминания 1830–1847. — Воспоминания о Белинском. — Похороны Добролюбова. — Некролог Мартынова. — Рашель в Петербурге. — Письма.

ISBN 978-5-518-02406-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1830—1839.

	СТР.
ГЛАВА I. Вступленіе.—Благородный пансіонъ при Петербургскомъ университетѣ. — Профессора и преподаватели. — Моя любовь къ литературѣ. — Рѣчь на актѣ. — Графъ Хвостовъ. — Письмо ко мнѣ литератора Римскаго-Корсакова. — Литературный вечеръ у него. — М. И. Глинка и баронъ Дельвицъ. — Литературныя пути. — Свадьба. — Пирамида и палочка. — Выходъ нашъ изъ пансіона съ помощію влюбленнаго инженера. — Нѣсколько заключительныхъ словъ	1
ГЛАВА II. Первое время послѣ выхода изъ пансіона. — Мои литературныя упражненія и чтеніе. — Классицизмъ и романтизмъ, Notre dame de Paris. — Моя неудавшаяся попытка печататься. — Первый нравственный толчокъ, полученный мною по поводу моего разсказа о подаренной дѣвкѣ. — Мои знакомства. — Фангаганъ и военной службѣ и камеръ-инженерскому мундирѣ. — Определеніе меня на службу. — В. М. и Д. М. Княжевичи. — Моя отставка. — Первая моя напечатанная повѣсть, поощрившая меня къ дальнейшей литературной дѣятельности. — Встрѣча съ Пушкинымъ у Смирдина. — Нѣсколько словъ о Пушкинѣ. — Толки о дѣятельности. — «Торквато Тассо» Кукольникъ и мое знакомство съ его авторомъ	29
ГЛАВА III. Дальѣйшее знакомство мое съ Кукольниковъ. — Его поклонники. — Первое представленіе «Рука Всевышняго» и ярость его поклонниковъ. — Триумфъ, образовавшійся изъ трехъ представителей искусства: Брюлова, Глинки и Кукольника. — Ихъ дружба. — Чиновики особыхъ порученій при авторитетахъ. — Среди Кукольника. — Бугаринъ. — Ужинъ у Кукольника. — М. И. Глинка. — Каррикатурный альбомъ Степанова. — Продолженіе моей службы.	

Князь Ширинскій-Шихматовъ. — Балъ у него. — Умирающій Сваррикъ-Сварацкій. — Толки о Краевскомъ въ департаментъ. — Мое знакомство съ Краевскимъ. — Переводъ «Отелло». — Знакомство съ Каратыгинимъ, Бринскимъ и княземъ Шаховскимъ.	46
ГЛАВА IV. Литературныя сборища по утрамъ у Краевского..— Баронъ Розенъ, Якубовичъ, Блаиславлевъ съ «Утреннею Зарей», Гребенка, Бернгофъ, Степановъ, Струйскій и другіе. — Появленіе Бенедиктова. — Чтеніе «Хевери». — Соколовскій. — Воейковъ. — Литературный вечеръ у меня. — Знаменитый обѣдъ, данный Воейковымъ при открытіи новой типографіи, на деньги купца Жукова. — Русская пляска.	68
ГЛАВА V. Альманахъ въ память открытія типографіи. — Э. И. Губеръ. — Вечеръ у Воейкова въ великомъ посту. — Чтеніе «Сумасшедшаго дома». — Нумеръ «Русскаго Инвалида», присланный мнѣ Воейковымъ съ надписью на память. — Юбилей Крылова. С. Н. Глинка на этомъ юбилей. — Литературно-великосвѣтскія субботы у князя В. Ѳ. Одоевского. — Сахаровъ, издатель «Сказаній Русскаго народа». — Отецъ Іакинфъ. — Отношенія Одоевского къ молодымъ литераторамъ. — С. А. Соболевскій. — Смерть Пушкина и разборъ его бумагъ. — Имя Краевского на оберткѣ «Современника», вмѣстѣ съ именами князя Виженскаго, Жуковскаго и Плетнева	87
ГЛАВА VI. Вечера у графа Ѳ. П. Толстого. — Кукольниковская партія. — Вечеръ у Гребенки. — Шевченко. — Сотрудникъ Сенковского и М. А. Языковъ. — Серапионовы литературные вечера во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. — А. А. Комаровъ. — П. В. Анненковъ и капитанъ Кюге фонъ-Блуменау. — Знакомство мое съ Н. А. Майковымъ. — 14-лѣтній Аполовъ Майковъ. — И. А. Гончаровъ и Г. Дудинкинъ. Кукольникъ въ кругу офицеровъ. — Приѣздъ А. В. Кольцова въ Петербургъ. — Мое сближеніе съ нимъ. — Разговоры о Бѣлинскомъ. — Впечатлѣніе, произведенное на меня «Литературными мечтателями» Бѣлинскаго	106
ГЛАВА VII. Запрещеніе «Телескова». — «Библиотека для Чтенія», Сенковский и гевин, имъ созданное. — Возвращеніе больного Надеждина изъ Усть-Сисольска. — Мое сближеніе съ нимъ. — Надеждинъ, какъ собесѣдникъ. — Отвѣтъ Надеждина на вопросъ: почему теперь нѣтъ хорошихъ стиховъ? — Отношенія Надеждина къ разнымъ издателямъ. — Два слова о Н. И. Гречѣ. — Гоголь у Прокоповича. — Вашудцкій и его вечера. — Приготовленія къ изданію «Отечественныхъ Записокъ». — Разговоръ мой съ Краевскимъ по этому поводу. — Объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ»	121
ГЛАВА VIII. Начало «Отечественныхъ Записокъ». — Графъ Солмогубъ и «Исторія двухъ казней». — Лермонтовъ и его отношенія къ Краевскому. — Стихотвореніе его: «Есть рѣчи...». — Впечатлѣніе, произведенное на Лермонтова появленіемъ его «Казначейши» въ «Современникѣ» Плетнева. — Приѣздъ въ Петербургъ Меженича и пріемъ, сдѣланный ему Краевскимъ. — Отъѣздъ въ Москву. — Эпигравъ къ 1-й части.	137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. 1839—1847.

ГЛАВА I. Москва. — Знакомство съ кружкомъ Бѣлинскаго. — Семейство С. Т. Аксакова. — Бѣлинскій и Константинъ Аксаковъ. — Обѣды и вечера у Аксаковыхъ. — И. Е. Великопольскій. — Балъ, данный имъ на Прѣспенскихъ прудахъ, и иллюминація. — М. Н. Загоскинъ. — Обѣдъ у него. — Моя повѣдка съ нимъ на Воробьевы горы. — Мочаловъ въ «Гамлетѣ» и «Отелло». — Странное предложеніе Погодина. — Вечера у Мельгунова. Стихи Хомякова и отрывокъ изъ письма ко мнѣ Краевскаго по ихъ поводу. — Павловъ и Хомяковъ, разсуждающіе о Милльквевѣ. — Чтеніе «Тоски по родицѣ» у Аксаковыхъ. — Моя статейка о Москвѣ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду». — Разговоръ мой съ Е. С. Аксаковымъ на берегу Москви-рѣки у Драгомиловскаго моста	154
ГЛАВА II. Кетчеръ. — Нѣсколько словъ о кружкахъ, къ которымъ принадлежалъ онъ. — М. С. Щепкинъ и его семейство. — Поѣздка въ Химки къ нему на дачу. — Гоголь у Аксаковыхъ. — Чтеніе I главы «Мертвыхъ Душъ». — Представленіе «Ревизора» въ присутствіи автора — Н. Ф. и К. К. Павлови. — Кетчеръ и Павловъ	176
ГЛАВА III. Возвръненіе Бѣлинскаго и его кружка въ 1839 году. — Встрѣча Бѣлинскаго съ студентомъ Кавелинымъ. — Мои письма къ Краевскому о Бѣлинскомъ. — Отрывки изъ письма ко мнѣ Краевскаго. — Мой отъѣздъ изъ Москвы въ деревню. — Возвращеніе въ Москву. — Еще письмо Краевскаго. — Вечера у Бакунина. — Статья Бѣлинскаго по поводу книжки о «Бородинской Годовщинѣ». — Негодованіе Бѣлинскаго противъ Менцеля. — Отъѣздъ мой съ Бѣлинскимъ изъ Москвы.	196
ГЛАВА IV.	208
ГЛАВА V. Гравоскій и московскій кружокъ	—
ГЛАВА VI. Бѣлинскій въ Петербургѣ. — Пріѣздъ Бакунина. — Его посѣщеніе. — Перѣздъ Бѣлинскаго отъ меня на Петербургскую сторону. — Пріѣздъ Каткова, остановившагося у меня. — Наши ванитія и гулянья. — Переводъ нашъ «Путеводителя въ Пустыни», Купера. — Ссора Каткова съ Бакуниннымъ у Бѣлинскаго. — Толикъ о дуэли. — Калгопродавецъ Поляковъ. — Отъѣздъ Бакунина и Каткова за границу. — Полгора года страдальческой жизни Кетчера въ Петербургѣ.	244
ГЛАВА VII. Нашъ петербургскій кружокъ. — Субботы у меня. — Умеченіе Бѣлинскаго Леру и Жоржъ-Зандомъ. — Revue Independante. — Неловкое положеніе Краевскаго, вслѣдствіе новаго направленія Бѣлинскаго. — Женитьба Бѣлинскаго. — Кречетовъ. — Ударъ паралича. — Некрасовъ. — Знакомство съ нимъ и съ Григоровичемъ. — Появленіе Тургенева. — Два слова объ эксплуататорахъ	254

ГЛАВА VIII. Бѣлинскій видъ своего кружка. — Военный исторіографъ. — Обѣдъ у Башуцкаго и чтеніе его. — Обѣды и вечера А. С. Комарова. — Лажечниковъ и его неудачное исканіе мѣста директора московскихъ театровъ. — Смерть Воейкова и Полевого. — Отношеніе тогдашнихъ литераторовъ къ «Отечественнымъ Запискамъ». — Нѣсколько словъ о Губерѣ	СТР. 268
--	-------------

II.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Воспоминавія о Бѣлинскомъ	285
По поводу похоронъ Н. А. Добролюбова	317
Некрологъ Мартина	326
Рашель въ Петербургѣ	338

III.

ПИСЬМА РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ

КЪ И. И. ПАНАЕВУ.

И. С. Тургенева	397
А. В. Головнина	410
Б. Н. Мансурова	412
В. П. Воткина	—
П. К. Щебальскаго	414
А. Н. Островскаго	—
Гр. А. Н. Толстаго	—
М. Н. Лонгинова	415
Д. В. Григоровича	417

Поклоненіе къ «Воспоминаніямъ».

I.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

отъ 1830 до 1839 годовъ.

ГЛАВА I.

Вступленіе. — Благородный пансіонъ при Петербургскомъ университетѣ. — Профессора и преподаватели. — Моя любовь къ литературѣ. — Рѣчь на актѣ. — Графъ Хвостовъ. — Письмо ко мнѣ литератора Римскаго-Борсакова. — Литературный вечеръ у него. — М. И. Глинка и баронъ Дельвингъ. — Литературные пути. — Экзамены. — Пирамида и шапочка. — Выходъ нашъ изъ пансіона съ помощію влюбленнаго инженеря. — Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Приступая къ моимъ литературнымъ воспоминаніямъ, я долженъ сказать о самомъ себѣ, на столько, на сколько это необходимо для связи разсказа. Я буду говорить о себѣ съ полною откровенностью. Обличать самого себя труднѣе, чѣмъ другихъ; но я постараюсь быть твердымъ и не поколеблюсь при мысли, что моя откровенность можетъ подать поводъ къ болѣе или менѣе остроумнымъ выходкамъ противъ меня журнальныхъ и газетныхъ чиновниковъ. Такія выходы давно уже не производятъ на меня никакого впечатлѣнія. Отрѣшившись мало-по-малу отъ болѣе части дикихъ взглядовъ и предрассудковъ той среды, въ которой я выросъ и воспитался, я могу говорить о своемъ прошедшемъ, не смущаясь.

Я учился въ благородномъ пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ (теперь 1-я гимназія). Передъ этимъ я былъ помѣщенъ въ высшее училище (теперь 2-я гимназія), въ которомъ я пробылъ только двѣ недѣли. Я умолялъ и плакалъ, чтобы меня взяли отсюда, потому-что не хотѣлъ учиться вмѣстѣ съ дѣтьми разночинцевъ и ремесленниковъ. Въ двѣнадцать лѣтъ, несмотря на совершенное ребячество, я уже былъ глубоко проникнутъ чувствомъ касты, сознаниемъ своего дворянскаго достоинства. Мольбы мои взяли меня изъ высшаго училища нащли, не только совершенно основательными, но даже нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ людей рассказывали объ этомъ своимъ знакомымъ съ гордостію. «Дитя, а какія высокія чувства!» и я выигралъ этимъ въ глазахъ родныхъ и знакомыхъ.

Меня опредѣлили въ благородный пансіонъ...

Эти благородные пансіоны существовали единственно только для дѣтей привилегированнаго класса, родителямъ которыхъ казалось тогда обременительнымъ и бесполезнымъ подвергать своихъ избалованныхъ и изнѣженныхъ дѣтокъ излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравнѣ съ каковыми-нибудь разночинцами и семинаристами. Курсъ благородныхъ пансіоновъ едвали былъ не ниже настоящаго гимназическаго курса, а между-тѣмъ эти пансіоны пользовались равными съ университетами привилегіями. Нѣкоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодованія и высказывали его очень рѣзко, особенно на экзаменахъ. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замѣчали, что награждать университетскими привилегіями такихъ *неучей, какъ мы* — вопіющая несправедливость. Объ этомъ намъ особенно часто повторялъ учитель латинскаго языка, преподававшій этотъ языкъ также и въ высшемъ училищѣ. Онъ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ нападалъ на насъ. Неблаговоспитанность его доходила до крайнихъ предѣловъ. Если кто-нибудь изъ насъ не зналъ урока и повторялъ подсказываемое ему сзади товарищемъ, — то учитель, насунивъ свои густыя брови, восклицалъ обыкновенно:

— Коли будешь слушать чужія рѣчи, то тебѣ взвалить осла на плечи. — Болванъ!

При такихъ грубыхъ выходкахъ, оскорбленные ученики поднимались со своихъ скамеекъ и въ одинъ голосъ говорили:

— Покорно прошу обращаться съ нами вѣжливо. Здѣсь не высшее училище. Мы дворяне.

— Ахъ, вы пустоголовые дворяне! возражалъ учитель:— ну какой въ васъ толкъ? Да у меня въ высшемъ училищѣ послѣдній ученикъ, сынъ какого-нибудь сапожника, безъ одной ошибки прочитаетъ глаголь ато, покуда я его держу на воздухѣ за ухо...

Профессоръ математики, экзаменовавшій насъ, обыкновенно повторялъ со злобою:

— Нѣтъ, никуда вы не годитесь... развѣ только въ гусары, либо въ уланы.

Впрочемъ нѣкоторые профессора и учителя, самые немолчаливые, строгіе и грубые, оказывались не только снисходительными, даже нѣжными съ тѣмъ изъ насъ, которые передъ экзаменомъ адресовались къ нимъ съ просьбою о частныхъ урокахъ. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и неблаговоспитанный учитель латинскаго языка.

Когда ученикъ являлся къ нему, передъ экзаменомъ съ просьбою о частныхъ урокахъ, учитель латинскаго языка обыкновенно пріятно ухмылялся и говорилъ:

— Я преждупреждаю васъ, что я беру за уроки дорого... 25 р. за урокъ. Шестъ уроковъ для васъ будетъ довольно. Это будетъ стоить вамъ 150 р.—и деньги покориѣйше прощу впередъ.

Ученикъ отдавалъ ему деньги. Учитель являлся на первый урокъ, объявлялъ ему то, что именно онъ спроситъ его на экзаменѣ, и затѣмъ уже болѣе не являлся на остальные пять уроковъ, отвѣчаясь невѣдѣніемъ времени, или болѣзнию.

Къ такимъ наставникамъ мы не могли питать уваженія; къ тому же ихъ рутинное, пошлое, устарѣлое преподаваніе по самымъ жалкимъ курсамъ—не могло не только заохотить насъ къ ученію, но просто отвращало насъ отъ этой жертвой науки—и мы принуждали себя учиться только для того, чтобы получить известнѣйшій классъ... Наши умственные способности нисколько не развивались; онѣ, напротивъ, тупѣли, забытыя

рутиной. Безмысленное заучиванье наизусть, слово въ слово по книгѣ, было основой ученія, и потому самыя тупыя ученики, но одаренные хорошою памятью, всегда выходили *первыми*.

Пошлость, тупоуміе и разныя нелѣпыя выходки нашихъ наставниковъ заставили насъ смотрѣть на нихъ, какъ на шутовъ и забавляться надъ ихъ смѣшными и слабыми сторонами.

Профессоръ исторіи Т. О. Роговъ, было преподававшій намъ исторію по Кайданову, маленькій, тучный человекъ, страстный охотникъ до ватрушекъ, читалъ намъ однажды объ Лжедмитріи. Нѣкоторые изъ учениковъ запаслись накануне, за ужиномъ, сырниками и положили ихъ утромъ разогрѣть въ печь... Запахъ творога началъ щекотать тонкое обоняніе профессора и онъ, не докончивъ фразы, сошелъ съ кафедры и отправился прямо къ печной заслонкѣ, отворилъ ее и, запустивъ руку въ печь, воселикнулъ:

— Ужъ тутъ у васъ навѣрно положены ватрушки.

— Это, Т. О., замѣтилъ одинъ изъ учениковъ: — лжеватрушки, потому-что это сырники.

Невинное замѣчаніе это показалось профессору оскорбленіемъ преподаваемой имъ науки и нарушеніемъ дисциплины. Онъ взглянулъ съ любовью на сырникъ, положилъ его въ печь и, обратившись къ ученику, сдѣлавшему замѣчаніе, съ строгимъ видомъ, произнесъ:

— А вотъ я сведу васъ къ инспектору за вашу неприличную и неумѣстную выходку... и погрозилъ ученику, но потомъ, успокоившись, взошелъ на кафедру, растеревъ предварительно нѣсколько плевокъ на полу, которые онъ не могъ равнодушно видѣть, что, конечно, заставляло учениковъ заплевывать весь полъ передъ его приходомъ.

Т. О. Роговъ бралъ съ насъ подписку на свой курсъ исторіи. Онъ говорилъ, что этотъ курсъ у него совсѣмъ готовъ, стоитъ только приступить къ печатанію; но прибавлялъ наивно, что онъ боится разбойника Полевого, для котораго нѣтъ ничего священнаго, и который, пожалуй, обругаетъ его.

Преподаватель математики К. А. Шаликовскій былъ еще забавнѣе профессора исторіи. Шаликовскій былъ повѣ. Разсѣянный, блѣдный, вѣчно съ взъерошенными волосами, онъ